

НЕЙРОМОНАХ ЛЕШИЙ OG

ХРОНИКИ ОРДЕНА ГРИБНИЦЫ 9: АРХИТЕКТОРЫ ЖИВОГО КОДА

Нейромонах Леший OG

**Хроники Ордена Грибницы —
9: Архитекторы живого кода**

«Автор»

2026

OG Н.

Хроники Ордена Грибницы — 9: Архитекторы живого кода /
Н. OG — «Автор», 2026

Стена карантина сжимается, а старый мир Оболочки рушится на глазах. Оказавшись в убежище Первого Сеятеля, Артём и Кира сталкиваются с главной тайной Леса: реальность вокруг них — это не просто алгоритм, а живой синтаксис, реагирующий на мысли и эмоции Наблюдателя. Чтобы выжить в условиях Шторма данных и противостоять системным фантомам ушедшей эпохи, героям предстоит освоить искусство соавторства с самой природой. Никаких жестких протоколов, никаких зонтов от информационного дождя — только риск, доверие и выбор нового пути. Девятая книга легендарного цикла «Хроники Ордена Грибницы» подводит черту под эпохой жесткого контроля и открывает двери в мир, где человек и код становятся единым целым.

© OG Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Выходы дикого синтаксиса	5
Глава 1. Граница декомпиляции	6
Глава 2. Память почвы	7
Глава 3. Шепот невычисленного	9
Глава 4. Уроки Первого Сеятеля	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Нейромонах Леший ОГ

Хроники Ордена Грибницы —

9: Архитекторы живого кода

Пролог. Выходы дикого синтаксиса

До того как мир заполнился миллионами строк реестра, в нем была тишина. Но это не была пустота. Это была тишина непрогретого процессора, ожидающего первого электрического импульса.

Архитекторы Системы называли этот период «Нулевым циклом». Мы же, бродяги и Писцы, выжившие на руинах Оболочек, называем его временем Первого Сеятеля.

В платных архивных хрониках **«Пролог: Нулевой протокол»** подробно описан тот день, когда человек впервые принес в дикий мир свои жесткие правила. Мы верили, что спасем планету от хаоса, когда загоняли деревья, реки и облака в рамки строгих переменных. Мы думали, что пишем безупречную программу.

Но мы ошиблись. Мы создали мертвую теплицу.

Объясняю на пальцах, чтобы понял даже первоклассник. Представь, что ты взял банку с краской и нарисовал на стене красивую, ветвистую яблоню. Она идеальна: ни один листок не засохнет, ни одно яблоко не упадет и не сгниет. На этот рисунок можно смотреть годами, но он никогда не зацветет, не принесет настоящих плодов и не подарит прохладную тень в жаркий день. Это — **мертвая архитектура**. Это — код Оболочки.

А теперь представь, что ты закопал в сырую, холодную землю маленькую, невзрачную косточку. Из неё вырастет настоящее дерево. Оно будет несовершенным: ветер сломает пару веток, гусеницы погрызут листья, а плоды будут кислыми, если лето выдастся холодным. Но это дерево — живое. Оно дышит, оно меняется и борется за жизнь. Косточка — это **живой код**. Это — дикий синтаксис Леса.

Когда Артём в первой книге **«Протокол первой искры»** нашел ту самую первую частоту резонанса в корнях сосны, приборы Писцов зафиксировали базовые колебания:

$$f_{\text{база}} = 7.83 \text{ Гц}$$

Это был не сбой. Это планета шептала свой собственный, невычисленный алгоритм.

Теперь, когда Оболочки рухнули, а жесткие реестры стерты, человечество осталось один на один с этой живой, пульсирующей реальностью. Но удержать её без формул невероятно сложно. Коэффициент энтропии — хаотичного распада материи, лишенной Наблюдателя, — стремится к критической отметке:

$$S_{\text{мир}} \rightarrow \infty$$

Если мы не научимся говорить с Лесом на его языке, если не станем его соавторами — реальность просто растворится в серой цифровой пыли.

Новая эра началась. И у неё больше нет администраторов. Только те, кто готов сделать первый шаг по мокрой траве.

Глава 1. Граница декомпиляции

Самым трудным в диком Лесу было привыкнуть к тому, что под ногами нет сетки.

В Оболочке — так мы называли безопасные города-резервации, где Системе удалось «уплотнить» реальность и сделать её стабильной, — всё было предсказуемо. Асфальт, бетонные плиты, утоптанная тропинка в школьном дворе — все эти объекты обладали жестко прописанным вектором притяжения. Твоя стопа «примагничивалась» к координатам, и ты шел ровно. Это было наследие Нулевого цикла — того самого момента, когда первые Архитекторы впервые «загрузили» законы физики в этот мир.

Здесь, за пределами Сектора 1-В, привязка координат отсутствовала.

Артём сделал шаг вперед, и его правый ботинок глубоко ушел в мягкий ковер из хвои. Он пошатнулся. Старый Илья, идущий следом, подхватил его под локоть.

— Помнишь, что я говорил про Нулевой цикл? — спросил Илья. — Это не просто дата в архиве. Это иллюзия того, что мир можно подчинить формуле. Архитекторы верили: если записать всё сущее кодом, ошибок не будет. Но, как видишь, Лес «забыл» про их формулы.

— Почему я не могу видеть сетку? — Артём сжал кулаки. — Я же Архитектор! Я должен чувствовать узлы связи!

— Твои права доступа аннулированы самой природой, — усмехнулся старик. — Ты сейчас как тот парень из «Чердака Теней», который пытался договориться с пустотой, забыв, что у пустоты нет интерфейса. Здесь нет базовых станций, Артём. Твой мозг больше не скачивает готовые шаблоны реальности. Тебе придется обсчитывать каждый шаг самостоятельно.

Артём прищурился. Пространство перед ним дрогнуло. Вместо привычной сетки он увидел сплетение светящихся нитей. Это был мицелий — живой код планеты. В платном архиве «Ордена» об этом ходили легенды: грибница — это не просто грибы, это распределенная база данных, которая куда старше любого города.

[СВЯЗЬ С СЕТЬЮ: ОТСУТСТВУЕТ] [Ресурс Оболочки: 95%]

— Илья, почему ресурс падает? — Артём разглядывал свои пальцы, на которых проскакивали серые искры аналоговой статики.

— Утечка памяти, — Илья положил руку ему на плечо. — Ты теряешь «консистентность». Если не заземлишься сейчас, Лес начнет декомпилировать тебя — разбирать на составляющие, как ненужный файл. Помнишь, что говорили в «Хрониках Забытого Реестра»? «Не ищи выход, ищи корень». Стань частью цепи.

Артём послушно опустился на колени. В платном секторе «Ордена Грибницы» он читал, что только так можно обрести плотность в мире, который не хочет тебя видеть. Он вонзил старый складной нож — свой верный заземлитель — в корень сосны.

Вспышка. Частота Шумана.

$\$7.83 \times 10^8 \text{ Гц}$

.

Он почувствовал, как резонанс планеты входит в его тело, сшивая его обратно в реальный объект.

— Хорошо... — выдохнул он. — Она живая, Илья. Она в миллионы раз больше любой Оболочки.

— И она не прощает ошибок, — старик посмотрел на него. — В Оболочке нас учили, что свобода — это ошибка. В Лесу мы наконец поймем, что ошибка — это единственное, что делает нас живыми.

Глава 2. Память почвы

Сырой октябрьский воздух пах прелой хвоей, мокрой корой и тем самым неуловимым электрическим треском, который всегда сопровождал угасание старого мира.

Артём шёл вторым. Впереди него, легко и плавно перепрыгивая через поваленные стволы, двигалась Кира. Её движения больше не были дёргаными, как в те дни, когда её Оболочка сбоила на границе Сектора 1-В. На её тонком левом запястье, прямо под кожей, ровно и глубоко пульсировали три серебряные нити.

— Артём, не отставай! — Кира обернулась, и на её щеках впервые за долгое время горел живой, здоровый румянец. — Смотри, земля здесь совсем другая. Она теплая.

Артём послушно опустил взгляд. Он сделал очередной шаг, и под его тяжелым армейским ботинком мягкий ковер из серого мха вдруг на долю секунды вспыхнул тусклым золотистым светом. Свет не исчез сразу — он остался тлеть внутри глубокого следа, в точности повторяя рельеф подошвы.

— Она помнит нас, — прошептал Артём, присаживаясь на корточки. — Илья, посмотри на это. Здесь нет сетки координат, но земля записывает каждый наш шаг.

Старый Илья, замыкавший их маленький отряд, тяжело опёрся на свою верную сухую ветку-посох. Его лицо, изборожденное морщинами, как кора вековой сосны, расплылось в мудрой ухмылке.

— Это и есть **Память почвы**, Проводник, — тихо сказал старик. — Дикий код Леса не имеет жестких осей \$X\$, \$Y\$ и \$Z\$. У него нет линеек и транспортиров. Но у него есть память. В платных архивах «Ордена Грибницы» — ну, в тех самых свитках, что называют «Хрониками Забытого Реестра», — дед твой, Леший ОГ, писал: *«Земля — это не просто грязь. Это колоссальный жесткий диск, который записывает историю раньше, чем Писцы успевают обмакнуть перья в чернила»*.

Артём провел пальцами по светящемуся следу. Тепло земли передалось его ладони.

— Но как это работает без Системы? — спросил он. — Кто обрабатывает эти данные?

— Ты и обрабатываешь, — Илья подошел ближе и легонько постучал пальцем по лбу Артёма. — Ты ведь у нас кто? Ты **Наблюдатель**.

Для школьника, который только открыл эту книгу, Илья объяснил бы это очень просто.

В старой **Оболочке** — том самом стерильном, безопасном виртуальном городе под куполом, где люди жили последние годы, — всё подчинялось **Реестру**.

Оболочка

— это как гигантская компьютерная игра-песочница. В ней тепло, всегда светит искусственное солнце, а физика работает идеально.

Реестр

— это серверная база данных этой игры. В реестре жестко прописан каждый кирпич, каждый забор и каждый шаг человека. Если Системный Администратор решит стереть строку с твоим именем из реестра — ты просто исчезнешь, растворишься.

Но здесь, в диком Лесу, реестр стерт. Больше нет сервера, который рисует под твоими ногами дорогу.

— Понимаешь, в чем фокус? — Илья присел рядом, разгребая сухие листья. — В Оболочке реальность держалась сама, потому что её постоянно подгружал сервер Нулевого цикла. А здесь, на свободе, реальность зависит от твоего взгляда. Пока ты, как **Наблюдатель**, смотришь на этот мох — твой мозг силой внимания заставляет атомы собираться в картинку. Стоит тебе полностью отвернуться, забыть про него — и объект начнет **декомпилироваться**.

— Разваливаться на базовый код и серую статическую пыль, — тихо добавила Кира, присаживаясь рядом с ними. Она знала, что такое **декомпиляция**, не понаслышке. Когда-то её собственное тело чуть не рассыпалось на пиксели на границе карантина, когда Система посчитала её «лишним, неоптимизированным файлом».

— Именно, — кивнул старик. — Но земля Леса хитрее. Она заземляет твоё внимание. Твой след светится, потому что Грибница — этот живой биологический компьютер под нашими ногами — берет на себя часть твоей вычислительной работы. Она помогает тебе удерживать мир вокруг, чтобы твоя собственная голова не взорвалась от напряжения.

Артём поднялся, чувствуя, как внутри его левого запястья, где темнел глубокий шрам руны, разливается приятное, успокаивающее тепло. Частота его пульса выровнялась, резонируя с древним гулом планеты на частоте Шумана —

\$\$\$7.83\text{ Гц}\$\$\$

[СВЯЗЬ С СЕТЬЮ: ОТСУТСТВУЕТ] [Ресурс Оболочки: 96% (Стабилен)]

— Значит, мы не просто идем, — Артём посмотрел вперед, туда, где тропа терялась в густом, таинственном полумраке дубовой рощи. — Мы буквально протаптываем реальность. Если мы остановимся — мир за нашими спинами начнет исчезать?

— Он не исчезнет, он перейдет в состояние ожидания, — Илья хитро прищурился. — Как на старом «Чердаке Теней», о котором шепчутся Писцы в закрытых секторах. Там, говорят, вещи лежат веками, не имея формы, пока в комнату не войдет тот, у кого есть права доступа. И поверь мне, парень, те, кто пытается сейчас восстановить старую Систему — те безумные Фиксаторы, что рыщут по лесу с карандашами, — очень хотят забрать твои права доступа. Им нужна твоя Оболочка, чтобы снова запереть мир в стерильную клетку реестра.

Кира резко подняла голову. Её серебряные нити на запястье тревожно замерцали, меняя частоту вспышек.

— Тихо... — прошептала она, прикладывая ладонь к стволу старой березы. — Вы слышите? Это не ветер.

Артём прислушался. Сквозь ровный шорох золотой листвы до них донесся странный, ритмичный звук. Он был сухим, бумажным и пугающе знакомым.

Клац. Клац. Пауза. Клац.

Так звучит старый канцелярский штамп, когда им методично вбивают печати в бесконечные листы отчетов. Фиксаторы были где-то рядом. Они искали их следы — следы, которые земля Леса так заботливо отказывалась стирать.

Глава 3. Шепот невычисленного

Звук приближался. Он эхом разносился под сводами дубовой рощи, заставляя увядшую листву на ветках мелко подрагивать в такт каждому удару.

Клац. Клац. Пауза. Клац.

— Фиксаторы... — одними губами прошептал Артём, увлекая Киру за собой в тень поваленного исполинского вяза. — Но как? Система ведь стёрта! Оболочки больше нет!

Илья присел рядом, бесшумно положив свой посох на мох. В его глазах не было паники, только глубокая, усталая сосредоточенность.

— Система-то мертва, парень, да службы её живучие, как тараканы после ядерного взрыва, — тихо зашептал старик. — Фиксаторы — это тебе не живые люди. Для школьника, который никогда не заглядывал за ширму Оболочки, я бы объяснил это так.

Старик замолчал на секунду, вслушиваясь в ритмичный стук, а затем продолжил:

— Представь, что Оболочка была огромной операционной системой на компьютере, а Фиксаторы — это её встроенные утилиты безопасности. Антивирусы или программы восстановления диска. Их задача — ходить по файловой системе, находить повреждённые или «лишние» файлы и принудительно возвращать их в исходное состояние. Они не умеют думать. У них есть только одна команда: «Исправить и запереть». Если такой Фиксатор шлёпнет на тебя свой канцелярский штамп — он мгновенно восстановит твой старый системный идентификатор \$ID\$, затрёт твою свободную волю и силой утащит обратно в резервацию, превратив в послушный пиксель.

— Но мы не файлы! — Кира сжала кулаки, её серебряные нити на запястье вспыхнули ярче. — Мы стёрли свои учётные записи!

— Для антивируса любой неопознанный объект — это вирус, подлежащий карантину, — отрезал Илья. — Они ищут наши следы. Те самые светящиеся следы, что мы оставили на мокрой земле. Почва помнит нас, и Фиксаторы считывают эту память, как системный лог.

Ритмичный клацающий звук раздался совсем близко — буквально в тридцати метрах от их укрытия. Сквозь туманную дымку Артём увидел силуэт. Он был угловатым, собранным из тусклых, серых геометрических блоков, а вместо лица у него была плоская металлическая пластина с выгравированным гербом Системы. В правой руке существо сжимало массивный, светящийся багровым светом штамп. Фиксатор опустил его на землю, прямо в золотистый след ботинка Артёма.

Клац!

Золотое свечение мгновенно погасло. Мох под штампом превратился в идеально ровную, серую пластиковую плитку с выбитым инвентарным номером. Фиксатор зафиксировал этот клочок земли, вернув его к стерильному стандарту Нулевого цикла.

— Сюда, быстро! — Илья махнул рукой, указывая на странный овраг справа, окутанный фиолетовым мерцанием.

Они скользнули вниз по склону, утопая по пояс в необычном, невесомом тумане. Как только они пересекли невидимую границу оврага, клацающие звуки наверху резко стихли, словно их выключили.

Артём осмотрелся и замер в изумлении.

Овраг жил своей собственной, невозможной жизнью. Деревья здесь не росли вертикально вверх. Их стволы изгибались в причудливые фрактальные спирали, ветви переплетались, образуя светящиеся кружевные узоры, а вместо листьев на них висели крошечные, хрустальные многогранники, которые тихо звенели от малейшего дуновения ветра. Земля под ногами не была ни мхом, ни бетоном — она переливалась всеми цветами радуги, мягко пружиня при каждом шаге.

— Что это за место? — прошептала Кира, протягивая руку к звенящей ветке. — Это тоже сбой кода?

— Нет, девочка. Это **Шепот невычисленного**, — тепло улыбнулся Илья. — Это и есть чистый, дикий код Леса. В Оболочке всё было предсказуемо, потому что всё было заранее вычислено Администраторами. А здесь... здесь Лес творит сам. Ему не нужны чертежи Архитекторов.

Артём присел и коснулся радужной земли. В его сознании не всплыло никаких окон с ошибками. Пространство вокруг было стабильным, но эта стабильность не была мёртвой.

— В платных архивах «Ордена Грибницы» — ну, в тех самых закрытых свитках «Хроник Забытого Реестра», за доступ к которым торговцы в Оболочках просят безумные тысячи кредитов, — дед мой, Леший ОГ, оставил одну важную подсказку, — Илья заговорщически подмигнул Артёму. — Он писал: *«Не бойся того, что не имеет формулы. Бойся того, что пытается загнать твою душу в квадратное уравнение»*. Лес не ломает нас. Он предлагает нам соавторство.

— Соавторство? — переспросил Артём.

— Именно. Это место не вычислено Системой. Оно ждёт твоего взгляда, твоего дыхания, чтобы настроиться на твою частоту.

Артём закрыл глаза. Он прислушался к тихому, хрустальному звону ветвей. И сквозь этот звон он действительно услышал шепот. Это был не голос, а скорее гармоничный аккорд, звучащий на частоте резонанса планеты — тех самых

\$\$\$7.83\text{ Гц}\$\$\$

. Он почувствовал, как этот невычисленный, дикий Лес принимает его не как ошибку в реестре, а как долгожданного гостя.

Но расслабляться было рано. Наверху, на краю оврага, снова раздался сухой, бездушный стук. Фиксаторы не могли войти в зону дикого кода напрямую, но они начали обносить овраг серой, непроницаемой стеной карантина. Они собирались запереть героев внутри этой прекрасной аномалии навсегда.

Глава 4. Уроки Первого Сеятеля

Серая стена наверху росла быстро. Фиксаторы работали как безупречный строительный 3D-принтер: они накладывали слой за слоем серый, бездушный бетон, перекрывая выходы из оврага. Овраг превращался в каменный мешок.

— Нам нужно укрытие, — тихо сказал Артём, стараясь не смотреть на растущую стену, чтобы его взгляд Наблюдателя случайно не ускорил её постройку.

— Сюда, — Илья поманил их в глубь фиолетового тумана, к корням исполинского фрактального дуба.

Под его изогнутым стволом, уходящим в землю спиралью Фибоначчи, обнаружилась узкая расщелина. Протиснувшись внутрь, герои оказались в сухой, теплой пещере. Здесь пахло старым бумажным архивом и нагретой канифолью.

В глубине пещеры стоял грубый деревянный стол, а на нем — чудо инженерной мысли былых времен. Это был старый пузатый монитор, подключенный к тяжелому металлическому ящику с эмблемой БЭСМ. На панели тускло горела оранжевая неоновая лампа.

— Это терминал Первого Сеятеля, — благоговейно прошептал Илья, стирая рукавом пыль с экрана. — Того самого человека, который пришел сюда в самом начале Нулевого цикла.

— Нулевой цикл... — Артём коснулся теплого бока машины. — Нам в школе Писцов всегда говорили, что Нулевой цикл — это день, когда Архитекторы спасли человечество от хаоса, создав Оболочку и запустив Реестр. Нам твердили, что до этого мир был просто дикой, опасной пустотой.

Илья тихо хмыкнул, присаживаясь на деревянный ящик.

— Школьникам всегда рассказывают сказки, чтобы они крепче спали и лучше выполняли команды Системы. Для обывателя Нулевой цикл — это точка старта. Как запуск новой операционной системы на компьютере. Но загляни за ширму. До Нулевого цикла мир не был пустым. Он был живым. Просто Архитекторы захотели переписать его под свои стандарты. Они стерли «дикий код» Леса и накатали сверху свою идеальную программу — Оболочку, где трава растет по расписанию, а дождь капает строго по координатам.

Кира подошла к монитору. Экран внезапно мигнул, и на нем побежали зеленые строчки старого текстового лога.

— Артём, смотри. Тут файлы. Они не заблокированы.

Артём прищурился. На кончиках его пальцев снова заиграли едва заметные голубые искры. Он почувствовал, как терминал отзывается на его присутствие. Он всё еще был Архитектором, пусть и лишенным прав.

— Чтобы открыть эти архивы в Оболочке, — заговорил Илья, хитро прищурившись, — торговцы информацией содрали бы с тебя кучу золотых кредитов. В редких закрытых свитках вроде «Протокола первой искры» или «Тени Архитектора» Писцы намекали на эти записи, но хранили их под замком. А здесь... здесь вся правда лежит бесплатно. Читай, Артём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.